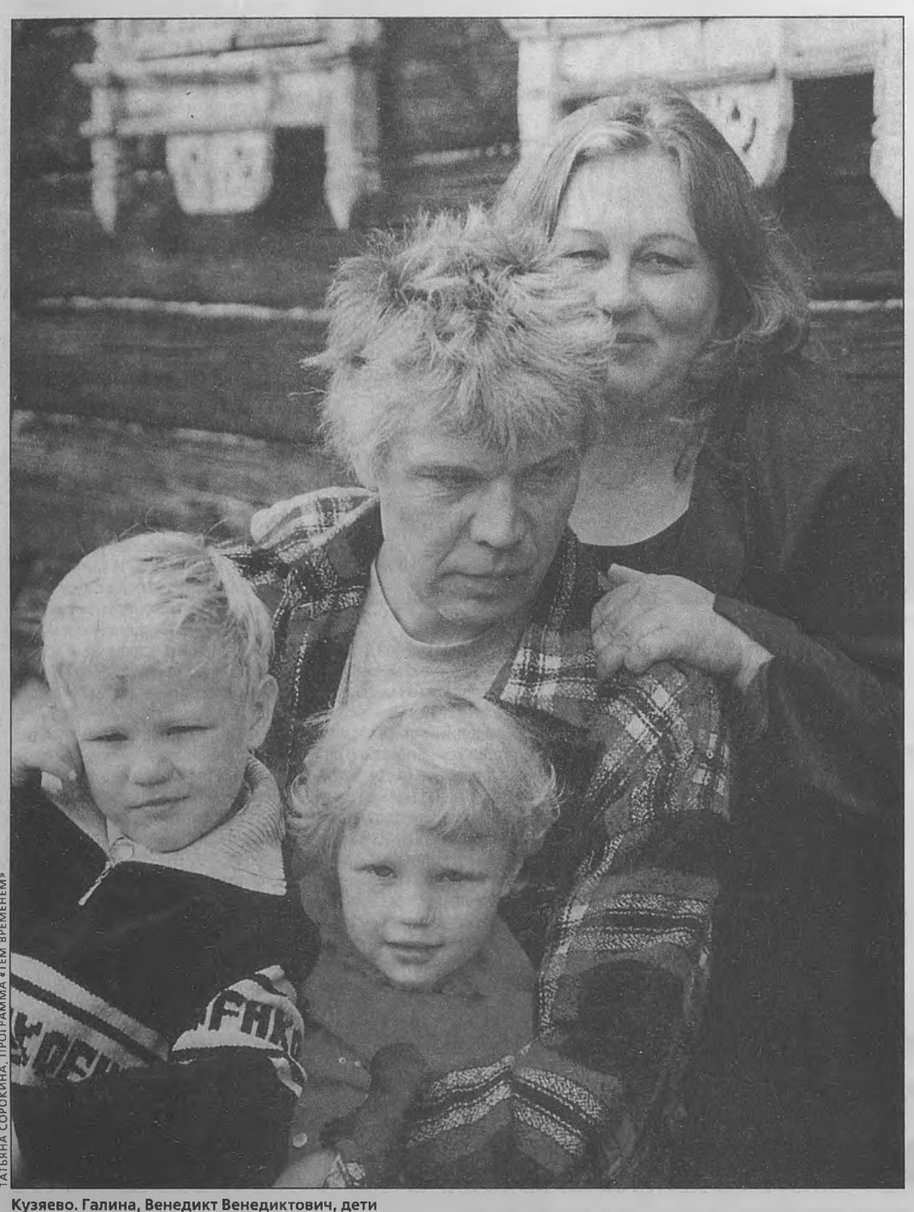
24.10.2003

в этом светлом царстве



ТАТЬЯНА СОРОКИНА, ПРОГРАММА «ТЕМ ВРЕМЕНЕМ»

Кузяево. Галина, Венедикт Венедиктович, дети

(международный язык!) — отвечают: мадам, неэтично к французам обращаться на чужом языке».

«Документов не люблю»

Ей пришлось отправиться в поход по литературным агентствам. Обратиться к юристам. Самой засесть за книжки по авторскому праву.

Ситуация на сегодняшний день: копирайт на вариант текста, который французы использовали, — за Albin Michel: договор подписан, действительно ничего не поделаешь. Но один из номеров «Ами» когда-то дошел до Ерофеева-старшего. Прямо по журнальной странице он вновь начал править текст (восстанавливая самиздатовские пропуски и ошибки), переписывать его, шлифовать. По двум последним главам — очень серьезные правки. Вот этот правленный авторской рукой и дополненный текст, считает Галина, должен стать главным, «каноническим». И использоваться при дальнейших изданиях.

Крупнейшее французское издание отступает под напором жительницы деревни Кузяево. Ерофеевский сюжет.

Ну тягалась она с этим изданием! Нашли чем пугать! Галина рассказывает: ночь, лютый мороз, нога сломана, а тут свиноматка породистая поросится... И надо что-то делать, с поросят семья живет! Женщина в российской бездорожной глуши, среди всеобщего пьянства и развала, создала преуспевающее фермерское хозяйство — а вы ей после этого юридическими дискуссиями угрожаете?

Когда-то Венедикт Ерофеев (старший) заметил: документов не люблю. И не был бы Ерофеевым, если б любил. Шебутной русский гений, он по жизни шатался сам по себе, пил все, что горит, любил женщин, они его любили, был окружен друзьями-«апостолами», просто собутыльниками, работал постоянно, много, везде — талант распирал. С каким-то удивленным смирением наблюдал, как дурят его западные издатели, говорил: меня издают, и я же еще им должен оказываюсь! А потом времена изменились. Не очень представляю Веничку в сегодняшней жизни. И, может, не случайно жизнь поручила ерофеевское наследие деловитой Галине. Она это хозяйство осваивает, как когда-то кузяевскую пустошь.

В юности будущего писателя Ерофеева — а рос он, как известно, в лагерных краях, на Кольском полуострове, — без конца «доставали»: то школьное начальство, то местная шпана. И одна девочка все кидалась Веничку защищать. Фамилия ее была Белоусова. Знаете, какая у Галины девичья фамилия? Тоже Белоусова. Ерофеевский сюжет.

Музей «Слезы комсомолки»

— Нам эти авторские отчисления не просто так нужны, — объясняет Галина. — Без них мы не сможем создать музей Венедикта Васильевича в Петушках.

Создание музея — ее сегодняшняя стратегическая цель.

В Петушках общественность Веничку не сильно жалует: «Он облил грязью наш город». Но мэр — умный мужик, сказал: дело не в том, нравится мне книга или нет. Благодаря Ерофееву Петушки прославлены на весь мир. Как-нибудь комнату мы под музей найдем. Только это все, чем город может помочь. Финансирование, ставки, наполнение — ищите сами.

Галина готова искать. Более того! Есть резерв — ерофеевские рукописи, вывезенные из караваевского дома Валентины Зимаковой (после смерти матери Венедикта Венедиктовича совхоз из этого дома попросил). Она считает: вот основа будущего музея. В том числе и финансовая. У Ерофеева десятки тысяч почитателей, его без конца издают у нас и за рубежом — а тут целый пласт, требующий серьезного исследования. Смешно, Ерофеева считали алкашом! Пил — никто не спорит. Но алкашом не был. Алкаш не мог бы столько писать. Смотрите! — распахивается шкаф. Там плотными стопками — блокноты, рукописи. «Записные книжки». Наброски. Начатые, но незаконченные произведения. Или законченные, но самим же Ерофеевым отложенные в расчете вернуться... «Дневник цветовода», «Антология на каждый день», «Антология рабочих общежитий» — слыхали о таких вещах? Все надо перепечатать, рассортировать, провести сравнительный анализ, снабдить справочным аппаратом. Филолога бы квалифицированного в помощь. Но пока...

В общем, сейчас Галина осваивает литературоведение. Что бы по этому поводу написал Ерофеев?

Из «Записных книжек»

Записные книжки Венедикта Ерофеева никогда не публиковались полностью. Это естественно — тут все вперемежку, и далеко не все ценно. Дешевые, явно купленные в первом попавшемся киоске «Союзпечати» блокнотики для Ерофеева были «вспомогательным материалом»: пришла мысль — записал, услышал меткую фразу — записал. И тут же между блестками — подробный рассказ, как, например, приезжал на велосипеде с пивом пьяный сосед. Разумеется, издатели выбирают самое сладкое. Многие из записей, которые сегодня предлагают вам «Известия», никогда не публиковались.

Это напоминает ночное сидение на вокзале. Т.е. ты очнулся — тебе уже 33 года, задремал, снова очнулся — тебе 48, опять задремал — и уже не проснулся.

* * *

Вот еще вид спорта: погоня за химерами.

* * *

Новость: Чапаева откачали.

* * *

Один, издеваясь, спрашивает: «Чьей женой была Нефертити, если мужем ее был Тутанхамон?» А второй, унылый скептик, отвечает: «Я с твоей Нефертити и с...ть рядом не сяду».

* * *

Когда отступаешь от идеалов, напоминай обвинителям, что быть совершенно благородным скушно.

* * *

Шолохов в 59-м году по случаю 10-летия КНР послал такую телеграмму в Пекин: «Сердечно обнимаю моих родных китайских друзей и очень сожалею, что человеческие руки коротки, а то бы обнял всех, но все же пытаюсь — обнимаю»...

* * *

Конечно, можно прожить и без этого всего. Какое дело, к примеру, чукчам, есть у них Анакреон или нет?

* * *

в обществе блестящих женщин
села Караваева

* * *

Рассказ о Маугли автобиографичен. Киплинг сам был вскормлен волками британского империализма.

* * *

и хочется кому-нибудь что-нибудь внедрить

* * *

С мира по нитке — голому петля

* * *

М.И. Калинин, 1926 г.: «У советских граждан должны быть не только крепкие руки и хороший пищеварительный аппарат, но и широкий политический кругозор».

* * *

С детства приучать ребенка к чистоплотности с привлечением авторитетов. Например, говорить ему, что святой Антоний — бяка, он никогда не мыл рук, а Понтий Пилат наоборот.

* * *

Любую подлость оправдывать бальзаковским: «Я — инструмент... на котором играют обстоятельства».

* * *

Дятел у Салтыкова-Щедрина, который 22 года «пил запоем и символизировал Академию наук».

* * *

Не женщина, а телесное наказание.

* * *

Царь Мидас, к чему бы ни прикасался, все обращал в золото, а в твоих руках все делается дерьмом.

* * *

Гитлер: «Я благодарю судьбу за то, что она лишила меня научного образования».

* * *

Ритуальный танец Замбии «Убийство Лумумбы» символизирует радость жизни и борьбу с темными силами природы.

* * *

С этими людьми надо не человеческими словами говорить, вострым ножичком.

* * *

Вот клички: в 1955—1957 гг. меня называют попросту «Веничка» (Москва), в 1957—1958 гг., по мере поседения и повзросления, — «Венедикт»; в 1959 г. — «Бэн», в 1960 г. — «Бэн», «граф», «сам»; в 1961—1962 гг. опять «Венедикт», а с 1963 г. — снова поголовное «Веничка».

* * *

В сказках Афанасьева: о царевне — «подлинно, красота несказанная, и только что ноги помыла».

* * *

далась вам эта внутренняя секреция!

* * *

А я и спрашиваю: «Ангелы небесные, вы еще не покинули меня?» И ангелы небесные отвечают: «Нет, но скоро».

* * *

Научись скорбеть, а блаженствовать — это и дурак умеет.

* * *

Шел мимо старик и спросил у нее:

— Девушка, почему ты плачешь?

— Подруга мне шишкой глаз выбила.

* * *

наш простой советский сверхчеловек

* * *

«Гляжу я на тебя, Тихонов, и думаю: отчего это все великие люди плохо воспитаны?»

* * *

И еще женское имя: Агентура.

* * *

раздроблена нижняя челюсть правой ноги

* * *

Во Вьетнаме учрежден вымпел, который вручается подразделению, сбившему самолет противника после доклада Хо в Пхеньяне. Вымпел называется: «По приказу дяди Хо разгромим американских агрессоров».

* * *

А что нам с этих трехсот грамм будет? Мы же гипербореи.

* * *

С этими людьми мне НЕ О ЧЕМ ПИТЬ.

* * *

Колхоз дело добровольное: хошь не хошь, а вступать надо.

* * *

я упал в обморок, но не показал виду

* * *

Еще женское имя: Прокуратура (просто Прошка).

* * *

Сослан в Тулу за гомосексуализм.

* * *

инакопишущие

* * *

беспутства хватило бы на 10 гениев

* * *

Как увижу черноокую
Промтовары разложу

* * *

В ответ на это сказать какую-нибудь гадость, например: «Служу Советскому Союзу».

* * *

На нашей стороне все, в ком еще душа держится.

* * *

Кто бы ни был прав — Библия или Дарвин, мы происходим, стало быть, или от еврея, или от обезьяны.

* * *

Я влюблен в свою Родину, достоинства и изъяны ее.

* * *

Мне не до сук.

* * *

Завтра написать Курту Вальдхайму о том, что я признаю независимую республику Гвинея-Бисау. А Курт Вальдхайм мне в ответ телеграмму: «Дурак ты».

* * *

Знаю, что такое рыцарь. И терпеть не могу рыцарства. За то, что у них забрало, а страха и упрека нет.

* * *

Опять Добролюбов и Ко. Слушая песню на слова барона Розенгейма «Степь за Волгу ушла» и т.п. Они-то, собаки, смогли бы написать хоть строчку, от которой бы у русского замер дух?

* * *

Х...ня война, как говорит Вадя Тихонов, страшны маневры.

* * *

Отметить 400 лет со дня смерти Малюты Скуратова.

* * *

Мне Стан твой понравился Теплый
И весь твой...

* * *

Я люблю дебелых, я дебелогвардеец.

* * *

В. Делоне «Портреты в колючей раме»(...). Блатные о Гамлете: «Тоже он все на придурка косил, на шизика! Быть или не быть! Надо было сразу мочить короля, а то ходил, ходил, вот и доигрался! Не сумел толком за папаню постоять».

* * *

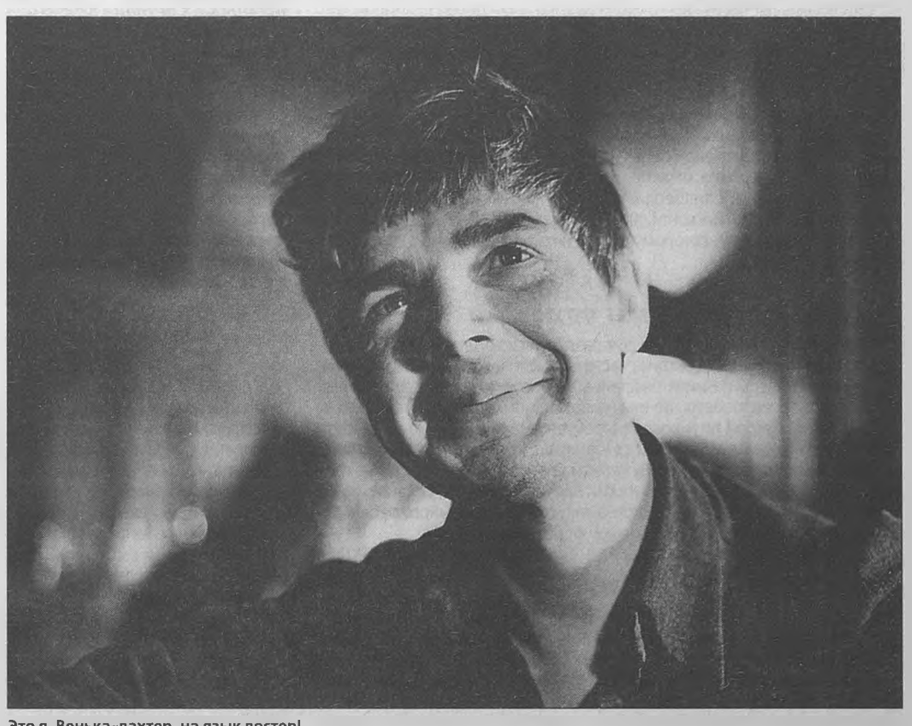
Я луч тьмы в этом светлом царстве

* * *

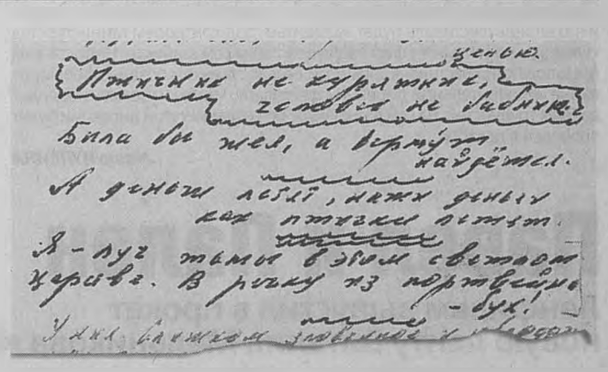
А вот еще коктейль: «Божья роса».

* * *

Кто в тереме живет? Я, Венька-вахтер, на язык востер.



Это я, Венька-вахтер, на язык востер!



Записные книжки. Дешевые блокноты, мелкий почерк

179

«До тех пор, пока в пивной беседуют о Кьеркегоре...»

Алексей Костанян — главный редактор издательства «Вагриус»

— Да, это действительно интересная тема: наследие Ерофеева. Ведь не все его вещи постигла участь романа «Дмитрий Шостакович», рукопись которого, лежавшая в авоське между двумя бутылками вермута, была потеряна автором в подмосковной электричке...

Я помню первый приход к ерофеевской теще, Клавдии Андреевне. (Она была матерью второй жены писателя, Галины Носовой, в их московской квартире на Флотской Ерофеев жил.) Клавдия Андреевна про зятя еще не говорила как про писателя, реплики были больше бытовые — «гвоздя в стенку вбить не мог, но писал много». Однако, написанное хранила. Помню несколько картонных ящиков с бумагами — неразобранными, сваленными сплошняком. Оказалось — письма, наброски, черновики, записные книжки, отрывки из дневников... Несколько сложенных листков из записной книжки подпирали ножку комода. Я тогда готовил один из первых сборников Ерофеева. Что показалось интересным — выбрал, отксерил, потом честно вернул. Кстати, когда через пять лет был в этой квартире снова, там уже висел портрет Ерофеева, под ним стояли цветы, а Клавдия Андреевна роняла фразы типа «творческая манера Венедикта Васильевича...». Но тому сборнику (обширному, под пятьсот страниц, он назывался «Оставьте мою душу в покое!») я самонадеянно предпослал подзаголовок «Почти весь Ерофеев». Глупец! Сегодня можно пятитомник выпускать — и все равно что-то новое обнаружится. Постоянно обнаруживается! То за рубежом, то у друзей. Очень многое хранилось в Караваеве...

— Алексей Львович, а надо ли все это раскапывать? «Москва — Петушки» — вершина. Но ведь остальное на порядок ниже.

— Знаете, из всего Пушкина тоже можно оставить «Я помню чудное мгновенье». Но мне кажется, мы себя тогда обедним.

— Одни говорят — великий писатель. Другие — просто лег на душу поколению...

— Скажу как издатель. Я знаю: сколько Ерофеева ни выпускаем — весь расходится. Вы говорите — «Петушки». Но ведь у тех, кто Ерофеева любит, «Петушки» давно имеются. Интересуют новые вещи! Одно время казалось: все, приходит другое поколение, круг людей, понимающих, о чем писал Ерофеев, сужается. Но нет — покупает и молодежь. Мне кажется, оттого, что в России вечен сам ерофеевский типаж. Мы, наверное, единственная страна в мире, где в пивной можно встретить людей, беседующих о Кьеркегоре. Пока так будет — будет спрос и на Ерофеева.

Классика жанра. Фирменные коктейли Венички из поэмы «Москва—Петушки»

С Игорем Авдеевым, другом, исследователем

179